

большей части превышает 0,6, то есть указывает, что метисный вариант более близок к одному из исходных. Используемый индекс не разъясняет наиболее существенных вопросов: какие признаки метисной группы сдвигаются в сторону больших величин, какие изменяются в противоположном направлении, какова зависимость того или иного сдвига от абсолютной величины исходных размеров. Впрочем, имеющийся материал недостаточен для такого анализа. Разница исходных средних, хотя статистически достоверна, но незначительна по абсолютной величине, за исключением немногих признаков, например, носового указателя. В этих условиях нельзя с достаточной уверенностью определить направление сдвига в метисной группе. Разработанный английским антропологом материал показывает лишь, что в метисных группах, приобретших известную устойчивость, средние величины признаков не выходят за пределы минимальной и максимальной величины исходных типов и изменяются в этих границах в зависимости от многих факторов.

Изменчивость (квадратическое отклонение средних величин) в метисных группах не больше, чем в исходных. Подтверждая этот вывод, уже сформулированный Морантом и другими антропологами, Дж. Тревор отмечает, что в изученном материале европейские группы, как правило, характеризуются большей изменчивостью, чем группы неевропейские.

Распределение вариантов каждого признака метисной группы не обнаруживает существенных отклонений от симметричного одновершинного типа.

Дж. Тревор подверг тщательному анализу весь имеющийся в литературе основной антропологический материал о метисных группах и должен был ограничиться лишь общими выводами. Перед антропологической наукой возникает задача возобновить прерванные за последние годы исследования метисных групп, столь необходимые для разрешения многих вопросов расоведения и этнической истории народов.

В. Бунак

НАРОДЫ СССР

История Якутской АССР, т. II, М., 1957, 416 стр.

Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук СССР успешно продолжает свою работу над созданием большого обобщающего труда по истории Якутской АССР. В 1949 г. опубликован первый том этого труда¹, получивший широкое признание и вышедший в 1955 г. вторым изданием. Содержащаяся в этом томе работа А. П. Окладникова «открыла» древнейший период истории Якутии с момента появления человека на ее территории до присоединения Якутии к Русскому государству.

Вышедший в 1957 г. второй том «Истории Якутской АССР» охватывает период от момента вхождения Якутии в состав Русского государства (30-е гг. XVII в.) до Великой Октябрьской социалистической революции (1917 г.). Выделение истории этого почти 300-летнего периода в особый том нужно признать очень удачным. Включение Якутии в состав Русского государства создало новые условия для развития народов Якутии: исчезла многовековая обособленность края, ускорились темпы его развития, определился характер этого развития. С этим совпал тот важный факт, что к моменту присоединения к России у якутов шел процесс разложения первобытно-общинного строя и они вступали на путь классового развития. Великая Октябрьская социалистическая революция установила новую грань в жизни Якутии. Она принесла народам Якутии освобождение, уничтожила классовый гнет, дала им возможность приступить к социалистическому строительству и обеспечила подлинный расцвет их хозяйства и культуры. Между двумя этими датами лежал трудный путь классового развития якутского общества.

В отличие от первого тома, являющегося авторской монографией, второй том — плод труда большого авторского (И. С. Гурвич, А. А. Избекова, О. В. Ионова, М. А. Кротов, М. Н. Мартынов, М. М. Носов, П. У. Петров, Ф. Г. Сафронов, Н. Н. Степанов, В. Н. Чemezov и Г. У. Эргис) и редакционного (С. А. Токарев, З. В. Гоголев и И. С. Гурвич) коллектива. Нужно сразу же сказать, что редакции тома удалось добиться единства мнений и формы изложения. Весь том воспринимается как единая работа и не распадается на отдельные разнохарактерные очерки.

Перед творческим коллективом стояла весьма трудная задача. Нужно было дать характеристику развития Якутии за длительный и сложный период. Задача осложнялась крайней неравномерностью предварительной разработки истории Якутии за это время. Если по XVII веку мы имели и раньше ряд серьезных исследований², то по другим периодам подобной разработанности не было; особенно это следует сказать в отношении истории Якутии в XVIII в. Поэтому авторам пришлось заняться не только

¹ А. П. Окладников, *Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству*, «История Якутии», т. I, Якутск, 1949.

² Особенно следует отметить сборник «Якутия в XVII в.» под редакцией С. В. Бахрушина и С. А. Токарева, вышедший в 1953 г.

обобщением имеющихся частных исследований, но и первичным выявлением и отбором материала. Документальные и фактические основы рассматриваемой работы весьма солидны. Богатый конкретный материал подвергнут вдумчивому анализу и обобщен в свете марксистско-ленинского учения о развитии общества. Второй том «Истории Якутской АССР», как и первый том, не просто сводная и обобщающая работа, но подлинное исследование. Обращает на себя внимание обилие и свежесть фактического материала, явившегося результатом архивных изысканий или почерпнутого из старой и уже забытой литературы, строгость анализа и продуманность обобщений. Все это вместе взятое позволило авторам стройно и последовательно изложить историю Якутии, заполнить «белые пятна» в этой истории, разобраться в противоречивости имеющихся в литературе суждений и дать правильное решение ряда сложных вопросов.

Основная идея книги, пронизавшая все изложение, выражена уже в предисловии к тому: «Социальное развитие якутского народа и других народов Якутского края пошло по-новому после вхождения в огромную Русскую державу» (стр. 5). Якутия становится частью Русского государства, якутский народ навсегда связал свою судьбу с судьбой русского народа. И хотя Якутия превратилась в этот период в колонию русского царизма, что принесло якутскому народу двойной гнет (со стороны эксплуататорских элементов в самом якутском обществе и со стороны царизма), результаты совместной жизни якутского и русского народов оказались положительными для развития Якутии.

Эта идея подчеркнута самой структурой тома. 26 глав, на которые делится текст, сгруппированы в три раздела: 1) Якутия в составе Русского феодального государства в XVII — первой половине XVIII в., 2) Якутия в период разложения феодализма в России (1760—1860 гг.), 3) Якутия в период капитализма в России (1861—1917 гг.). Стремление рассмотреть судьбы Якутии на фоне и в условиях общерусского развития сказалось и в выделении таких глав, как «Якутия в период первой русской буржуазно-демократической революции» (гл. XXIV) или «Якутия в период империалистической войны и Февральской революции» (гл. XXVI). Подобная организация материала оказалась весьма плодотворной. Авторы показывают своеобразие местных условий и особенности местного развития. Изложение местной истории на фоне общего развития страны позволяет ярче выявить эти местные особенности и подчеркивает взаимосвязь в развитии народов. Именно с этих позиций рассматривается конкретный материал в главах об изменениях хозяйственной и общественной жизни, в главах о культуре. Влияние общественной мысли и революционного движения в центре России на изменения в общественной жизни Якутии очень ярко показано в главе о политической ссылке и на страницах, посвященных деятельности политических ссыльных в период первой русской буржуазно-демократической революции и в период Февральской революции.

Нельзя не отметить и другого замысла авторов. Вполне правильно они старались избежать подмены истории Якутии историей только якутского народа. Авторы старались и сумели дать в своей книге историю якутов, тунгусов (эвенков), ламутов (эвенов), юкагиров (огулов), чукчей и русского населения Якутии. В томе внутри трех основных разделов выделены специальные главы о малых народах Якутии (гл. VIII, XV, XXI) и о русском ее населении (гл. III, XIV). Это не только обогатило изложение за счет справедливо уделенного внимания ко всем народностям Якутии, но помогло лучше понять историю и самого якутского народа, выяснить конкретный ход миграции населения, взаимовлияния народностей и т. д.

При исследовании истории Якутии за рассматриваемый период авторы основное внимание уделили вопросу об уровне развития социально-экономических отношений у народов Якутии в различные периоды и вопросу о темпах этого развития. Внимание к социально-экономической истории, естественное в труде историков-марксистов, приобретает особое значение в труде по истории народов, длительное время не имевших своей государственности. Ведь государственные формы существования Якутия получила только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. В изучаемый авторами период якуты своей государственности не имели. Поэтому вопросы политической истории занимают в работе, вполне естественно, малое место. Вместо политической истории рассматриваются вопросы административного устройства края. Для XX в., правда, дан материал по истории революционного движения. В основном же том посвящен социально-экономическим проблемам и вопросам истории культуры.

Социально-экономическое развитие рассматривается в книге неоднократно, применительно к различным периодам. Отправным пунктом этих исследований явился вопрос об уровне развития якутов к моменту вхождения Якутии в состав Русского государства. В главе I по этому вопросу мы читаем: «У якутов уже очень далеко зашел процесс распада первобытно-общинного строя и шло формирование классового общества. Русские застали у них переходное состояние, когда еще сильны были родоплеменные формы быта, но в то же время общество уже начало раскалываться на antagonистические классы» (стр. 18). Это положение едва ли может вызвать возражения. К сожалению, мы не находим в книге прямого ответа на естественно возникающий вопрос о том, что же представляли собою эти классы, по какому пути шло развитие якутского общества. Вместо этого в подстрочном примечании дана краткая справка о наличии в литературе двух мнений: «Одни исследователи (Мамет, Ионов, Башарин) считают, что у якутов уже до прихода русских складывались патриархально-феодальные отношения... Токарев полагает, ... что развитие якутского общества

шло в сторону вызревания раннерабовладельческих отношений» (стр. 18). Эта справка излишне кратка и суммарна. В перечне существующих мнений хотелось бы видеть указание на точку зрения такого крупного исследователя, каким был С. В. Бахрушин³, и уточнение позиций сторонников мнения о зарождении у якутов элементов феодальных отношений к моменту прихода русских. Хотелось бы иметь в книге и изложение аргументации существующих мнений. Признавая за авторами право оставить открытым вопрос, если он, по их мнению, нуждается еще в дальнейшем исследовании, читатель все же справедливо хочет иметь наибольшую ясность, хотя бы в постановке вопроса.

Бесспорным нам представляется также положение авторов, что вхождение Якутии в состав Русского государства ускорило темпы ее развития по пути феодализма, а позднее определило возникновение в жизни якутского общества элементов капитализма, хотя темпы этого развития, по сравнению с темпами развития других областей страны, были замедленными. Вследствие этого и к концу рассматриваемого периода Якутия по уровню своего развития оставалась отсталым краем: «Накануне первой русской буржуазно-демократической революции Якутия представляла собой одну из самых отсталых колоний царизма. В ней господствовали патриархально-феодальные отношения» (стр. 365). Приводя это положение, авторы убедительно пересмотрели имеющиеся в литературе оценки уровня развития якутского общества в отдельные периоды. Так, в гл. X и XIII (кстати сказать написанных очень аргументированно) показано, что процесс обеднения и обезземеливания якутских народных масс во второй половине XVIII и в первой половине XIX в., несомненно имевший место, не достиг катастрофических размеров. В 20-е гг. XIX в. «сенокосами не наделялось 10—15%, а в некоторых улусах до 20% самодеятельного населения» (стр. 187). Эти цифры свидетельствуют о том, что подавляющая часть самодеятельного населения улуса в то время владела сенокосами. При этом авторы правильно поступают, рассматривая такие процессы дифференцированно. По отношению к окраинным улусам говорить об «обезземеливании» приходится вообще с большой осторожностью.

Сила пережитков патриархальщины сказалась и в том, что классовая борьба в улусе не достигла таких размеров, как это было в центральных районах страны. В течение XIX и начала XX в. в Якутии не наблюдается широких аграрных движений. Даже в главах XXIV («Якутия в период первой русской буржуазно-демократической революции») и XXVI («Якутия в период империалистической войны и Февральской революции») материал об антиправительственном движении в улусах представлен очень слабо. Оно развевывалось главным образом в городах, преимущественно в самом Якутске, при активном участии политических ссыльных. Нет основания думать, что подобное утверждение явилось следствием недостаточного внимания авторов к изучению материалов о развевывании в этот период революционных выступлений в наслегах. Правильнее считать, что авторы отразили в своем изложении действительно существовавшее положение вещей.

Эта особенность развевывания классовой борьбы в крае отнюдь не означала идиллического положения в улусе. В книге дан яркий материал о дифференциации якутского населения, об угнетении народных масс тойонами, о почти безысходном положении бедняцких слоев. Эта особенность была следствием двух хорошо подмеченных авторами явлений. Капиталистические отношения в Якутской области развивались преимущественно в сфере торговли (стр. 320), не приводили к созданию на территории области крупной индустрии и не вызвали концентрации в Якутии рабочего населения. «Развитие крупной индустрии у границ Якутской области сочеталось с господством примитивных форм хозяйства в самой Якутии» (стр. 323). В самих якутских улусах и наслегах процветали полупатриархальные-полуфеодальные формы эксплуатации (стр. 289). Патриархальные формы самой жестокой эксплуатации затупевывали сущность классовых противоречий и сдерживали развевывание классовой борьбы. Последний тезис желательно было бы дать более развернуто и последовательно.

Дав в целом убедительную характеристику социально-экономического развития, авторы в отдельных местах высказали бездоказательные положения. Так, в главе V, в которой рассматривается классовая борьба в Якутии в XVII в., говорится о якутских тойонах, подавлявших «попытки народных выступлений, одновременно направленных и против колониального гнета и против гнета самих тойонов» (стр. 75). К сожалению, конкретного материала о попытках народных выступлений против гнета тойонов в главе не приведено. Думаю, что такого материала и нет. Классовые противоречия среди якутского населения в это время еще не созрели и не обнаружались настолько, чтобы могли вызывать народные движения.

Вместе с тем вовлечение Якутии в общерусскую экономику способствовало обострению классовых противоречий среди якутов и предопределило отношение трудовых масс Якутии к Великой Октябрьской социалистической революции. В этом же направлении действовала и колониальная политика царизма. Последняя рассматривается в книге неоднократно или в специальных главах (гл. IV), или попутно, в связи с другими вопросами. Удачно эта колонизаторская подоплека вскрыта в главе о ясачных реформах в

³ Во втором издании первого тома представителем течения, признававшего наличие у якутов в XVI—XVII вв. феодальных отношений, назван именно С. В. Бахрушин (А. П. Окладников, Якутия до присоединения к Русскому государству, М.—Л., 1955, стр. 6).

Якутии во второй половине XVIII в. (гл. X) и в главе XII, посвященной реформам Сперанского. Предпосылки реформы справедливо усматриваются в том, что фискальная политика царизма трещала по швам и приводила лишь к обнищанию трудовых масс и фантастическому росту недоимок, а задачи реформы — в обеспечении поступления податей с «инородцев». Подобная постановка вопроса выгодно отличается от попыток рассмотреть реформу как результат экономического либерализма и гуманности Сперанского и его сторонников⁴.

Правильная постановка вопроса о социально-экономической отсталости Якутии, о грабеже и угнетении народных масс тоянами и царизмом хорошо раскрывает то значение, которое имела для якутских народных масс Великая Октябрьская социалистическая революция. С этой точки зрения второй том «Истории Якутской АССР» служит прекрасным введением к третьему тому, который будет призван раскрыть огромное значение октябрьских завоеваний для малых народов бывшей Российской империи.

Хотелось бы особо отметить наличие в книге трех больших глав, посвященных рассмотрению развития культуры Якутии в XVII—XVIII вв. (гл. IX), во второй половине XVIII и первой половине XIX в. (гл. XVII) и в конце XIX — начале XX в. (гл. XXIII). В этих главах даны обзоры состояния материальной и духовной культуры населения и тех изменений, которые происходили в ней под влиянием общественного развития и под воздействием передовой русской культуры.

Наличие в авторском коллективе этнографов позволило с большой яркостью использовать в этих главах этнографический материал, насытить их конкретным описанием памятников материальной и духовной культуры. Читатель часто забывает, что речь идет о культуре народов, долгое время остававшихся бесписьменными. Использование русских источников, памятников эпоса и памятников материальной культуры почти полностью возместило отсутствие письменных источников у самого изучаемого народа. Авторам удалось показать богатство культуры якутского народа, его замечательное орнаментальное искусство, его богатое устнопоэтическое творчество и т. д. Некоторые вопросы, впрочем, могли бы быть углублены. Авторы категорически отрицают наличие письменности у якутов в XVII в. В общем они, конечно, правы. Но, пожалуй, стоило бы обратить внимание на такие памятники, как знамена на якутских челобитных XVII в. Это позволило бы поставить вопрос о появлении начальных элементов письменности.

Производит благоприятное впечатление стремление авторов дать классовую характеристику явлений культуры. Особенно четко это выражено при рассмотрении материала XIX и начала XX в.; здесь авторскому коллективу удалось найти правильное решение некоторых запутанных вопросов. Примером может служить оценка литературных направлений начала XX в., в которых четко выявлено демократическое (Черных-Якутский) и буржуазное (Кулаковский и др.) содержание.

В качестве дополнительного материала во всех трех главах, касающихся вопросов культуры, даны краткие очерки истории изучения Якутии. И хотя этот материал скорее относится к общерусской культуре, он, несомненно, обогащает изложение и вновь подчеркивает основную идею книги о неразрывной связи народов Якутии с русским народом.

Книга хорошо оформлена, богато иллюстрирована. Следует особо отметить картографический материал. Карта расселения народов Якутии и расселения якутских племен в XVII в. является результатом кропотливого исследования и дает читателю богатейший материал. Нужно лишь пожалеть, что подобный материал дан только в отношении раннего периода. Текст, касающийся XIX и XX вв., лишен этого пособия.

Некоторые высказанные в книге положения дискуссионны. Иногда авторы сами подчеркивают это, указывая на наличие различных точек зрения. Иногда эта дискуссионность будет выявлена читателем. Так, нам кажется, что нельзя сводить вопрос о колониальной политике царизма только к ясачной политике и злоупотреблениям царской администрации, как это сделано в гл. IV. При этом опускается такое важное явление, как колониальный характер торговли. Если авторам удалось убедительно показать, как вовлечение якутского населения в торговые операции способствовало разложению патриархальных отношений в наслеге и убыстряло темп общественного развития, то диалектичности этого процесса авторы не вскрыли. Колониальное ограбление якутского населения тормозило развитие его экономики, мешало переходу к более высоким формам хозяйства. Не лишена книга и некоторых описок. Такой опиской является утверждение, что в конце XVI в. было закончено освоение русскими бассейна Оби (стр. 27). Едва ли также можно согласиться с тем, что переход на Енисей и Лену был в какой-то мере вызван истощением пушных богатств Западной Сибири (там же). Кое-где редакторы не добились полного согласования. Так, на стр. 37 термин «чеснок» отождествляется с термином «тын», а на стр. 59 чесноком называются тройные железные зубья. Думаю, что последнее толкование более правильное. К такого же рода разнобою относятся утверждения на стр. 59: «в середине 1670 г. штатное число служилых людей в якутском гарнизоне достигало 644 человек» и на стр. 45: «в самом Якутске оставалось обычно только небольшое число людей — иногда не более десятка». Ближе к истине второе утверждение. В первом случае речь идет не о якутском гарнизоне, а о штатном составе служилых людей по якутскому воеводству.

⁴ См. Marc Raeff, *Siberia and the Reforms of 1822*, «University of Washington Press», 1956.

Таких недочетов очень немного. Они не определяют общего впечатления от рассматриваемой книги. Институт языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР создал серьезное исследование, которое вместе с первым томом дает научную историю Якутии до Великой Октябрьской социалистической революции. Остается пожелать Институту довести до конца свою работу и выпустить в свет третий том, посвященный истории Советской Якутии.

В. Шунков

НОВЫЕ КНИГИ ОБ ОДЕЖДЕ И ОРНАМЕНТЕ НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ

В союзных республиках Прибалтики за последние годы издано несколько книг по народному искусству и одежде¹.

Книга М. М. Глямжайте «Литовская национальная одежда» имеет целью познакомить читателей с наиболее характерными чертами литовского народного костюма. Автор преследует практическую задачу — помочь участникам художественной самодеятельности в изготовлении национальных костюмов для юбилейных праздников песни. В первой части книги даны этнографические сведения и публикуются подлинные образцы старинной литовской одежды из коллекций музеев; во второй — характеризуется современная одежда и даются практические указания участникам праздника песни. В книге имеется введение (стр. 3—4), общая характеристика литовской народной одежды (стр. 5—52) и подробное описание отдельных ее частей.

Женский костюм составляли: рубаша, юбка, передник, безрукавка или кофта с рукавами (нажутка) и верхняя теплая одежда (сермяга), ватное пальто (ангерка), полупальто (ватинес) и кожух (кайлиней). Мужской костюм составляли рубаша, штаны, верхняя одежда из холста (триничай), сермяга, кожух, плетеный или кожаный пояс. Носили фетровые шапки, малахай, соломенные шляпы. Обувью служили лапти (вижос), постолы (нагинос), деревянные башмаки (клумпи), высокие кожаные сапоги и полу-сапожки.

Одежду шили (вплоть до XIX в.) из шерстяной ткани, льняного и конопляного полотна домашнего изготовления. Ткани отличались характерным мелким рисунком и неяркими, мягкими тонами расцветки. Разнообразные узоры ткали при помощи двух, шести и более «ничельниц» браной и закладной техникой. Во второй половине XIX в., с развитием текстильной промышленности, все шире начинают употреблять для одежды фабричные ткани (хлопчатобумажные, частично — шелковые). Одежда становится более яркой и пестрой.

Автор рассматривает типы современного женского национального костюма (стр. 63—124) по отдельным областям, выделяя жемайтский, аукштайтский, аукштайтско-вилнюсский, занавикский, капский, дзукийский и клайпедский типы.

В целом литовский народный костюм — единообразен, но некоторые из выделенных комплексов отличаются значительными особенностями, остальные же — лишь немногими деталями, расцветкой ткани, узорами.

В этом делении автор следует ранее изданному труду А. Тамошайтиса², где классификация литовской одежды составлена по тому же принципу. Книга М. Глямжайте выгодно отличается от работы А. Тамошайтиса тем, что в ней даны аннотации к рисункам со ссылками на источники, откуда они взяты, тогда как отсутствие аннотаций сильно обесценивает труд Тамошайтиса.

М. Глямжайте в своей книге дает специальный раздел — «Чертежи выкроек национальной одежды» (стр. 143—144). Эти чертежи небольшого размера (рис. 253—269). Кроме того, в конце книги даны приложения: выкройки в натуральную величину с пояснениями, как ими пользоваться; цветные таблицы образцов литовских тканей; систематический указатель.

В книге 269 иллюстраций: фотоснимки, чертежи и цветные рисунки; к сожалению, фактура тканей и плетения поясов в цветных рисунках не передана.

Издание, также представляющее интерес для этнографов, — альбом П. Галауне «Литовское народное искусство», посвященный резьбе по дереву. Это — публикация музейных коллекций, составляющая, как сообщается в кратком введении, первую книгу предполагаемой к изданию серии «Литовское народное искусство». Задача книги — познакомить широкие круги читателей с литовским народным изобразительным творчеством, а также дать необходимый материал художникам, мастерам прикладного искусства (см. стр. XV—XXI).

¹ Mikalina Glemžaitė, *Lietuvių tautiniai drabužiai*. Vilnius, 1955, 206 стр. (на литовском яз.); P. Galunė, *Medžio dirbiniai* (П. Галауне, Деревянные изделия; на литовском и русском яз.), серия «Lietuvių liaudies menas», Vilnius, 1956, 335 стр.; H. Linpus, *Tikand eestī rahvakunstis* (Х. Линнус, Вышивка в эстонском народном искусстве; на эстонском и русском яз.), Таллин, 1955, 120 стр. + 31 фотография и 51 цветная таблица.

² A. Tamošaitis. *Lietuvių drabužiai*, «Sodžiaus menas», 7—8, Kaunas, 1939.